

УДК 316.4

Шоковая терапия на границе российской Карелии — постсоциализм в двух лесопромышленных поселках (Перевод с фин. яз. Ю. М. Килин)

РАННИККО

Пертти

*доктор социологических наук,
профессор экологии,
Университет Восточной Финляндии
(кампус Йоэнсуу),
Институт географических
и исторических исследований,
Йоэнсуу, pertti.rannikko@uef.fi*

КОРТЕЛАЙНЕН

Ярмо

*доктор социологических наук,
профессор географии,
Университет Восточной Финляндии
(кампус Йоэнсуу),
Институт географических
и исторических исследований,
Йоэнсуу, jarmo.kortelainen@uef.fi*

Ключевые слова:

Республика Карелия
таможенная политика
лесоторговля
Финляндия
Россия
лесопромышленные поселки
шоковая терапия
постсоциализм
Лендеры
Реболы

Аннотация:

В статье анализируется роль лесного хозяйства в трансформации сельской местности в России в постсоциалистический период. Цель работы — выделение типичных характеристик лесопользования на приграничной территории. Объектом исследования являются Реболы и Лендеры — два лесопромышленных поселка в Муезерском районе, на развитие которых решающим образом повлияло крушение лесопользования советского типа и переход к рыночной экономике. В статье показано, что концепция шоковой терапии может быть применена как метод описания продолжительной по времени и драматичной по характеру трансформации, через которую прошли эти два приграничных населенных пункта.

В 1950-х гг. до двенадцати лесопунктов было построено в исследованной нами части Муезерского района для проведения лесозаготовок и вывозки леса. Через небольшой промежуток времени многие из этих поселков перестали существовать, так как рабочие были переведены на другие участки для проведения лесозаготовок. К моменту, когда вывозка леса автотранспортом окончательно заменила сплав леса, в этой части Муезерского района оставались только три лесопромышленных поселка. Переход к рыночной экономике и скандинавской системе лесозаготовок означал, что потребность в рабочей силе, занятой на лесозаготовках, осталась только в Лендерах, а скорость, с которой продолжалась деградация других населенных пунктов, увеличилась. В обретении Лендерами

центральной роли в лесном экспорте, который увеличивался благодаря либерализации экспортных поставок, решающим фактором стала близость этого поселка к государственной границе. В последние годы ужесточение правил лесного экспорта, принятое правительством России, поставило под угрозу положение Лендер как узлового пункта торговли лесоматериалами. Политика правительства, новые технологии, внезапные изменения в правилах, регулирующих пограничный режим, определяли судьбу лесопромышленных поселков, перемещая рабочие места и людей с одного места в другое. Трансграничная лесоторговля обеспечивала процветание и благополучие приграничных поселков, создавая зависимость, увеличивавшую их уязвимость.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

То, каким образом старое уступает дорогу новому, не является очевидной истиной. Этот переход часто характеризуется социологами как борьба между новым и старым. Еще в 1940-е гг. Иосиф Шумпетер предложил концепцию «креативного разрушения» для объяснения феномена эволюции противоречивой в своей основе капиталистической экономики: структурные изменения в ней вызывают появление новых отраслей и предприятий, обуславливая исчезновение старых [18]. Сторонники теории «креативного разрушения» объясняют необходимость закрытия заводов и другие разрушительные последствия развития одновременным проявлением позитивных созидательных процессов.

Таких же воззрений о переходе от этапа разрушения к позитивному развитию придерживается учение, известное как шоковая терапия, которую западные экономисты предложили бывшим социалистическим странам в качестве стратегии перехода к рыночной экономике. Методами шоковой терапии в них стремились к форсированному запуску рыночных механизмов, разрушая жесткими методами прежние институты. Этими мероприятиями, одновременно проводившимися в различных отраслях экономики, на прежнюю систему оказывалось шоковое воздействие, которое должно было под угрозой банкротства принудить предприятия к переходу на рыночные рельсы [1; 220]. Сторонники шоковой терапии полагали, что такие действия дадут экономике возможность быстро перейти от этапа трудностей к росту, который легитимировал бы и саму реформу.

За требованиями шоковой терапии стояли международные организации, прежде всего подобные Международному валютному фонду (МВФ) и Всемирному банку (ВБ). В число рекомендовавшихся ими мероприятий входили приватизация, либерализация цен и внешней торговли, а также жесткая финансовая политика, вплоть до исключения субвенций [1; 219–221]. После крушения социализма методы шоковой терапии были по-разному применены в бывших социалистических странах. Эстония, Латвия и Литва выполняли рекомендации более последовательно, чем страны Центральной Европы. В начале своего правления Борис Ельцин выбрал курс на быстрый переход России к рыночной экономике, либерализовав цены и внешнюю торговлю, результатом чего стал экономический кризис. Поскольку в нашей статье анализируются процессы в сельской местности и лесном хозяйстве России, мы не будем более подробно характеризовать изменения в экономической политике России в постсоциалистический период. Подходящим для нашего анализа исходным пунктом является периодизация сельского хозяйства России, предложенная Никула, Гранбергом и Аланен [10].

Согласно этой периодизации, в ельцинском реформировании сельского хозяйства в России выделяются три этапа: разрушительный, восстановительный и созидательный. Реформы начального периода президентства Ельцина (1992–1993 гг.) можно считать уничтожителями прежней системы. В процессе их реализации государство прекратило регулировать сельскохозяйственный сектор. Результатом этого этапа стало быстрое падение показателей сельскохозяйственного производства до уровня 1950-х гг. Восстановительный этап продолжался с середины 1990-х до 1998 г. За это время были реорганизованы совхозы, колхозы, оптовая торговля и пищевая промышленность, но сохранены крупные предприятия. С 1999 г., после прихода к власти Владимира Путина, государство стало проводить новую сельскохозяйственную политику, стремясь к развитию рыночных отношений и стабильному производству продовольствия. Программа развития сельского хозяйства включала в себя реструктуризацию долгов крупных предприятий отрасли, защиту отечественных производителей

посредством таможенных пошлин и квот на производство, систему сельскохозяйственного кредитования и обновление основного капитала [10], [23].

В России в постсоциалистический период лесная промышленность и сельское хозяйство испытали одинаковые экономические, социальные и политические изменения. Упомянутая выше периодизация развития сельского хозяйства является хорошей основой для изучения лесного хозяйства России. Для лесопромышленных поселков своего рода шоковой терапией можно считать не только реформы начала 1990-х гг., но и политику, проводившуюся под руководством В. Путина с 2005 г., целью которой была модернизация лесного сектора России. Быстрым повышением пошлин на экспорт древесины власти пытались побудить международные лесопромышленные компании инвестировать во внутреннее производство и создавать производственные мощности в России. Высокие пошлины на экспорт древесины повлекли за собой резкое снижение объемов заготавливаемой древесины, вызвав серьезные проблемы у лесозаготовительных предприятий и в лесопромышленных поселках.

В данной статье рассматривается роль лесного хозяйства в сельской местности России в переходный постсоциалистический период. Объектом нашего исследования являются пограничные леса европейской части России и изменения в лесопользовании. Цель исследования — выявление типичных для приграничных территорий характеристик в использовании лесных ресурсов. Изучаемые лесные поселки Лендеры и Реболы находятся на небольшом расстоянии от российско-финляндской границы в российской Карелии, недалеко от финского г. Лиекса. На развитие этой территории решающее воздействие оказало крушение лесного хозяйства советского образца и переход к условиям рыночной экономики.

Для описания этапов эволюции лесного хозяйства в поселках Лендеры и Реболы и прилегающей к ним местности использовались методы локального исследования. Основная часть материалов была собрана нами в 2008—2012 гг. в ходе шести исследовательских поездок в эти районы, во время которых было проведено интервьюирование местных жителей, включая руководителей лесозаготовительных предприятий. Для облегчения восприятия статьи и краткого изложения полученных материалов ссылки на отдельные интервью, использованные в анализе и перечисленные в списке источников, как правило, не даются. Полевые исследовательские поездки были важны и для составления точного представления об изучаемых районах. Демографические данные по отдельным деревням и поселкам почерпнуты в Национальном архиве Республики Карелия и у местных властей. Сведения о лесном хозяйстве и лесозаготовительных предприятиях извлечены также из статей, опубликованных в Интернете и газетах.

Исследуемая территория

Исследованные нами поселки Лендеры и Реболы, находящиеся в Республике Карелия в приграничной северо-западной части Российской Федерации, являются ресурсными поселениями, благосостояние которых зависит от лесного хозяйства. Они располагаются на покрытой лесами территории, недалеко от границы с Финляндией и, одновременно, с Европейским союзом, административно входя в Муезерский район.

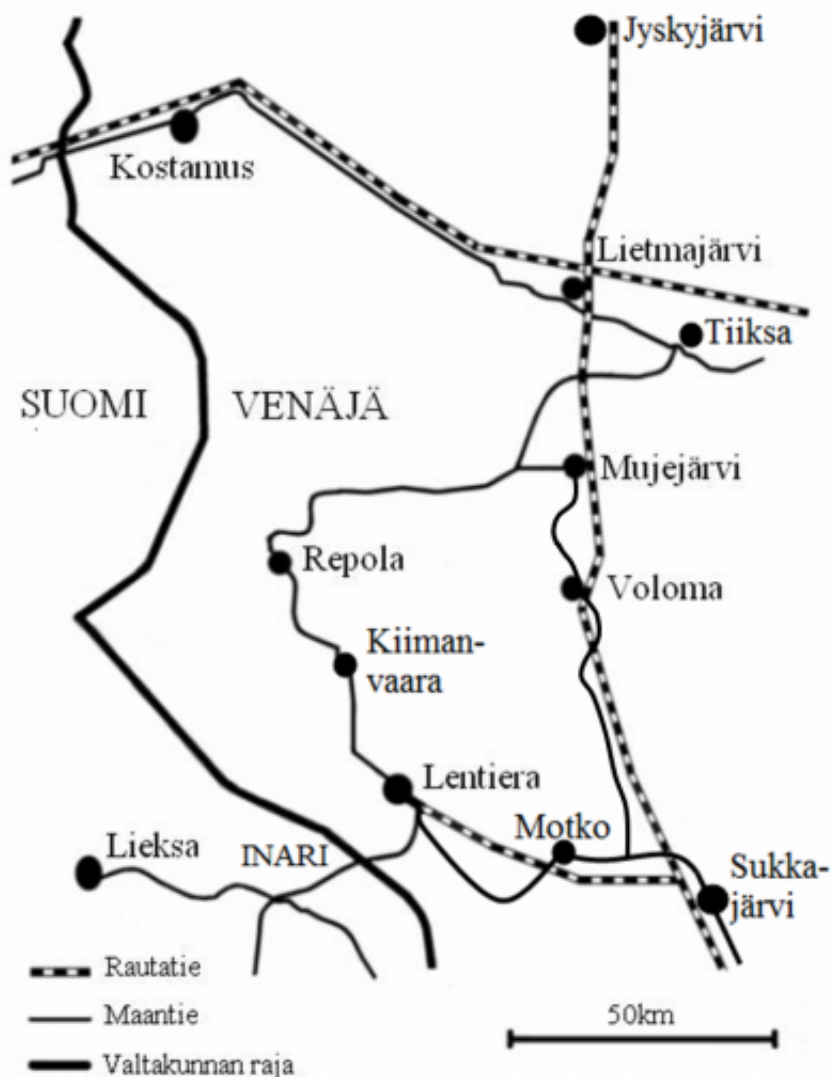

Рис. 1. Местоположение поселков Лендеры и Реболы и дорожная сеть

Перевод легенды карты и топонимов:

Rautatie — железная дорога

Maantie — шоссейная дорога

Valtakunnan raja — государственная граница

SUOMI — ФИНЛЯНДИЯ

VENÄJÄ — РОССИЯ

Jyskyjärvi — д. Юшкозеро

Kostamus — г. Костомукша

Lietmajärvi — п. Ледмозеро

Tiiksa — п. Тикша

Mujejärvi — пгт. Муезерский

Voloma — п. Волома

Repola — п. Реболы

Kiimanvaara — д. Кимоваара

Lentiera — п. Лендеры

Motko — п. Мотко

Sukkajärvi — п. Суккозеро

INARI — п. ИНАРИ

Lieksa — г. Лиекса

В настоящее время почти все население западной части Муезерского района проживает в этих

двух поселках. Изменения в этих населенных пунктах и в поселенческой сети на изучаемой территории являются следствием множества резких экономических и технических изменений в лесном хозяйстве и способах вывозки леса.

На протяжении многих веков эта территория была приграничной, поскольку государственная граница на этом участке была установлена в 1617 г. Для передвижения людей госграница между Россией и Швецией долгое время не была сколько-нибудь значительным препятствием. Время от времени эта территория страдала от военных действий. Она входит в бассейн реки Лиекса, по которой вода течет в сторону Финляндии.

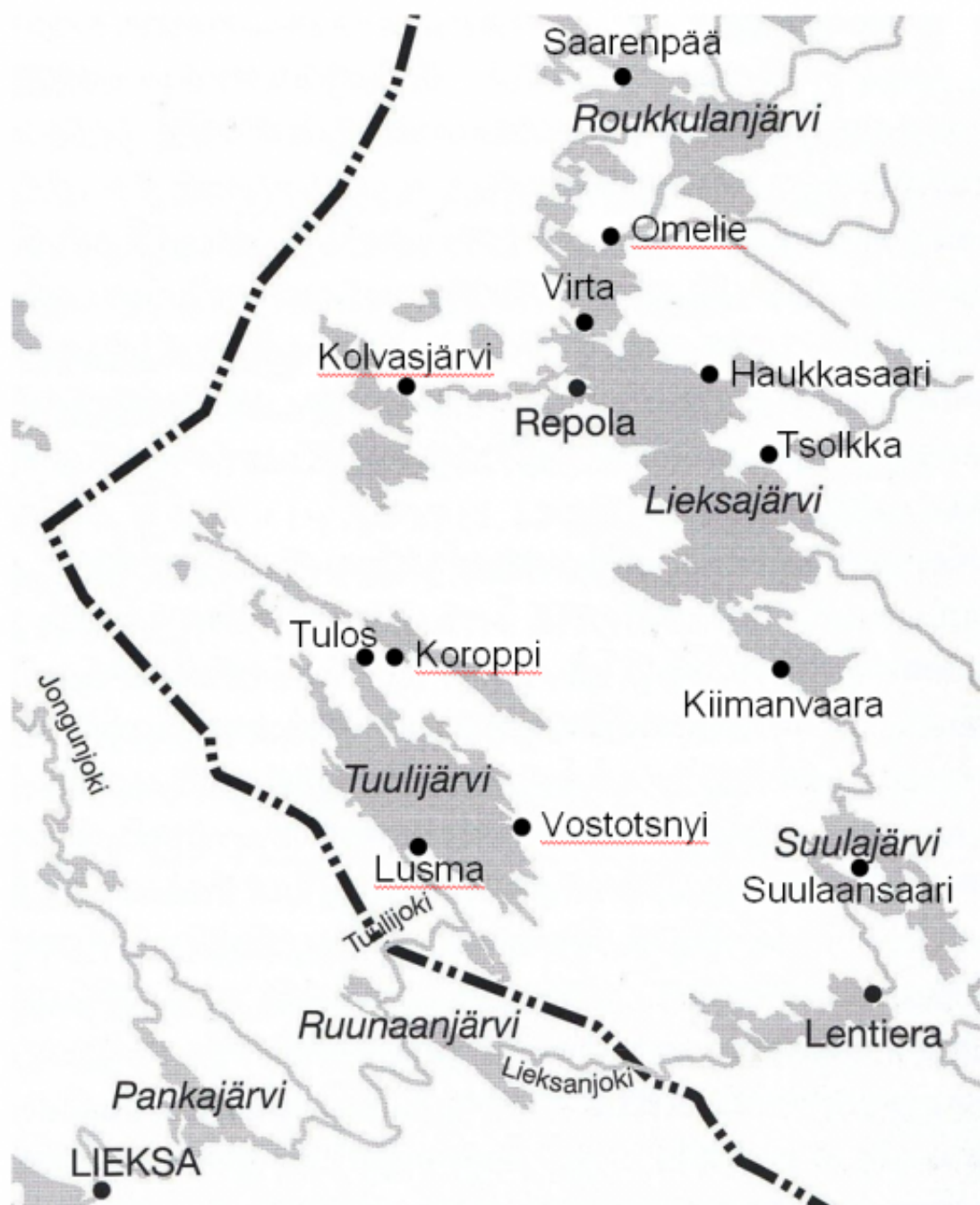

Рис. 2. Бассейн реки Лиекса. [17]
Перевод топонимов и гидронимов:
Haukkasaari — д. Гафостров
Kiimanvaara — д. Кимоваара

Kolvasjärvi — д. Колвасозеро
Koroppi — д. Короппи
Lentiera — п. Лендеры
LIEKSA — г. ЛИЕКСА
Lusma — д. Лужма
Omelie — д. Емельяновка
Repola — п. Реболы
Saarenpää — д. Концеостров
Suulansaari — д. Сулоостров
Tsolkka — д. Челки
Tulos — д. Тулос
Virta — д. Вирда
Vostotsnyi — п. Восточный
Jongunjoki — р. Йонгунйоки
Lieksajärvi — оз. Лексозеро
Lieksanjoki — р. Лиексанйоки (Лендерка)
Pankajärvi — оз. Панкаярви
Roukkulanjärvi — оз. Ровкульское
Ruunaanjärvi — оз. Ру(у)нанъярви
Suulajärvi — оз. Сула
Tuulijoki — р. Тула (Лужма)
Tuulijärvi — оз. Тулос

Эта естественная водная система была удобным маршрутом для торговли и других трансграничных контактов [17]. До начала советского периода поселенческая сеть бассейна реки Лиекса насчитывала более 30 небольших карельских деревень, входивших в Ребольскую волость, а в первые десятилетия советской власти (начиная с 1927 г.) — в Ребольский район.

Лес всегда был основным источником существования для местного населения. Первые жители в этих местах, карелы, поселились здесь более 500 лет тому назад, используя в качестве источников своего существования охоту, рыбалку и подсечное земледелие. По мере развития лесного хозяйства древесины в районе Ребол и Лендер стали заготавливать в качестве сырья для лесоперерабатывающей промышленности [20]. Еще до прихода к власти большевиков бревна, заготовленные в окрестностях Ребол, начали сплавлять для распиловки на лесопилки, находившиеся в Финляндии. Удаленные от центра губернии Реболы не были связаны путями сообщения с лесопилками, расположенными на территории России, и единственным способом вывоза леса стал дарованный природой маршрут лесосплава в западном направлении через государственную границу. Лесоторговля продолжалась и в 1920—1930-х гг. [17], несмотря на то, что граница между СССР и Финляндией стала не только межгосударственной, но и идеологической, разделявшей две диаметрально противоположные социальные системы.

Начавшаяся в 1939 г. война между СССР и Финляндией на долгое время прекратила заготовки леса в районе п. Реболы. Война уничтожила большую часть деревень Ребольского района, и прошло много времени, прежде чем численность его населения достигла предвоенных показателей [7]. Реболы утратили статус районного центра в 1948 г., когда эта территория была присоединена к Ругозерскому району. Несмотря на это, в 1955 г. в результате возобновившейся лесоторговли с Финляндией начался подъем Ребол. Вновь стал функционировать Ребольский леспромхоз, которому в будущем предстояло пережить наиболее продуктивные годы оживленного трансграничного лесосплава и лесоторговли. Эти формы экономической деятельности были наиболее значимыми для ребольчан уже в начале XX в., но только с 1955 г. природные богатства края и люди были полностью подчинены лесной промышленности [15], которая превратилась в единственный фактор, определявший использование природных ресурсов на местном уровне.

Социалистический индустриализм и лесная промышленность советского типа

Переход к социалистической системе до основания изменил систему управления природными ресурсами. В государственную собственность перешли земля и ресурсы, используя которые в СССР приступили к планомерной работе по индустриализации и модернизации экономики страны. В сталинский период главной целью было догнать западные страны в экономике и социальной сфере. Социалистический индустриализм относился к природе как к источнику неисчерпаемых ресурсов, и, например, на продуктивность лесов и устойчивое развитие лесной промышленности не обращалось

особого внимания. Вековая тайга казалась неиссякаемым источником сырья для нужд лесной промышленности СССР.

Лесная промышленность не развивалась равномерно во всех лесных регионах страны, концентрируя свои мощности лишь в некоторых из них. Социалистический индустриализм включал в себя последовательное развитие системы регионального разделения труда, в рамках которой каждый регион специализировался в производстве определенного вида продукции. Карелии была отведена роль производителя лесопромышленной продукции, в результате чего сельская местность республики развивалась весьма односторонне, преимущественно за счет лесного хозяйства и лесной промышленности.

После Второй мировой войны начали применяться более интенсивные методы лесопользования, и единственной задачей лесных сельских районов страны стало производство круглого леса (кругляка) для постоянно растущих потребностей экономики. К концу 1950-х гг. в Карелии было построено 340 новых лесопунктов для заготовки и вывозки древесины [5; 17], [4]. Для снабжения леспромпхозов рабочей силой, лесозаготовителями и сплавщиками, колхозы были либо ликвидированы, либо присоединены к подсобным хозяйствам ЛПХ. Старые деревни, население которых не могло быть задействовано в лесозаготовках и на вывозке леса, были оставлены на произвол судьбы. Колхозники стали работать в лесу и на сплаве, переселившись в лесопункты.

В районе Ребол во второй половине 1950-х гг. также начались лесозаготовки на большом количестве новых лесных участков. Сюда прибывала рабочая сила из других регионов Советского Союза, что изменило этнический состав населения. В ранние годы существования СССР, например в 1926 г., 93 % населения Ребольской волости составляли карелы [19; 250], в настоящее время их примерно 20 % (сведения о населении п. Реболы за 2008 г.). Карелы, тем не менее, играли важную роль как посредники в трансграничном лесосплаве, поскольку владели финским языком и могли легко преодолевать языковой и культурный барьер. По этой причине большое количество карелов работало в пунктах сдачи древесины, в которых представители продавцов и покупателей совместно сортировали древесину, измеряли бревна и вели учет.

Советская система стремилась максимально жестко регулировать обмен информацией между сдатчиками и приемщиками древесины, держа и в этом отношении границу настолько закрытой, насколько это было возможно. Каждый работник действовал согласно строгим инструкциям. Разговаривать можно было только непосредственно о делах по работе, да и то лишь в случае абсолютной необходимости. Но в определении сортов древесины все же необходимо было взаимопонимание. Такие ситуации использовались сдатчиками для вопросов о судьбе своих родственников, живших по другую сторону границы, и отправки им записок. Мелкая торговля и товарообмен также имели место, поскольку водка всегда была товаром, пользовавшимся спросом в Финляндии, а финские ножи — в СССР [12; 315–316]. Тем не менее о том, как живет по другую сторону границы, было известно совсем немного.

Поселенческая сеть, призванная служить потребностям лесоэкспорта, сформировалась в России еще до революции. В 1950-е гг. она получила быстрое и планомерное развитие. Населенные пункты были сосредоточены вдоль маршрутов лесосплава, в весенне-летний период их население занималось сплавом леса, зимой — лесозаготовками. Население перемещали с места на место по мере освоения новых лесозаготовительных участков. В 1950-х гг. население в прежнем Ребольском районе концентрировалось в основном в западной его части, поскольку быстрее всего росли деревни, расположенные по берегам оз. Тулос, недалеко от государственной границы (см. рис. 2 и 3). В конце 1950-х — начале 1960-х гг. здесь проживала почти тысяча человек, при том что до войны численность населения в этих местах не достигала 200 человек. Впоследствии из-за истощения лесных ресурсов роль этих деревень уменьшилась. Сплав на оз. Тулос был полностью прекращен в 1970 г., после чего проживание постоянного населения в деревнях перестало быть необходимым для леспромпхоза. После закрытия школ, магазинов и других учреждений, обслуживавших население, жители были вынуждены переехать туда, где были рабочие места.

Тем не менее сплав древесины по оз. Лексозеро по-прежнему активно продолжался. Численность населения лесопромышленных поселков Реболы и Лендеры, занимавших центральное место в лесозаготовках и сплаве леса, росла еще и в 1970-е гг., в то время, когда расцвет небольших деревень уже уходил в прошлое (см. рис. 3). Значение отдаленных деревень уменьшалось также по причине перехода от конной вывозки леса с делянок к тракторам и грузовым автомобилям. Постепенно объем сплава по оз. Лексозеро также стал уменьшаться, полностью прекратившись в 1986 г. Запасы древесины вдоль маршрута лесосплава заканчивались, и вывозка леса стала производиться по

железной и шоссейным дорогам.

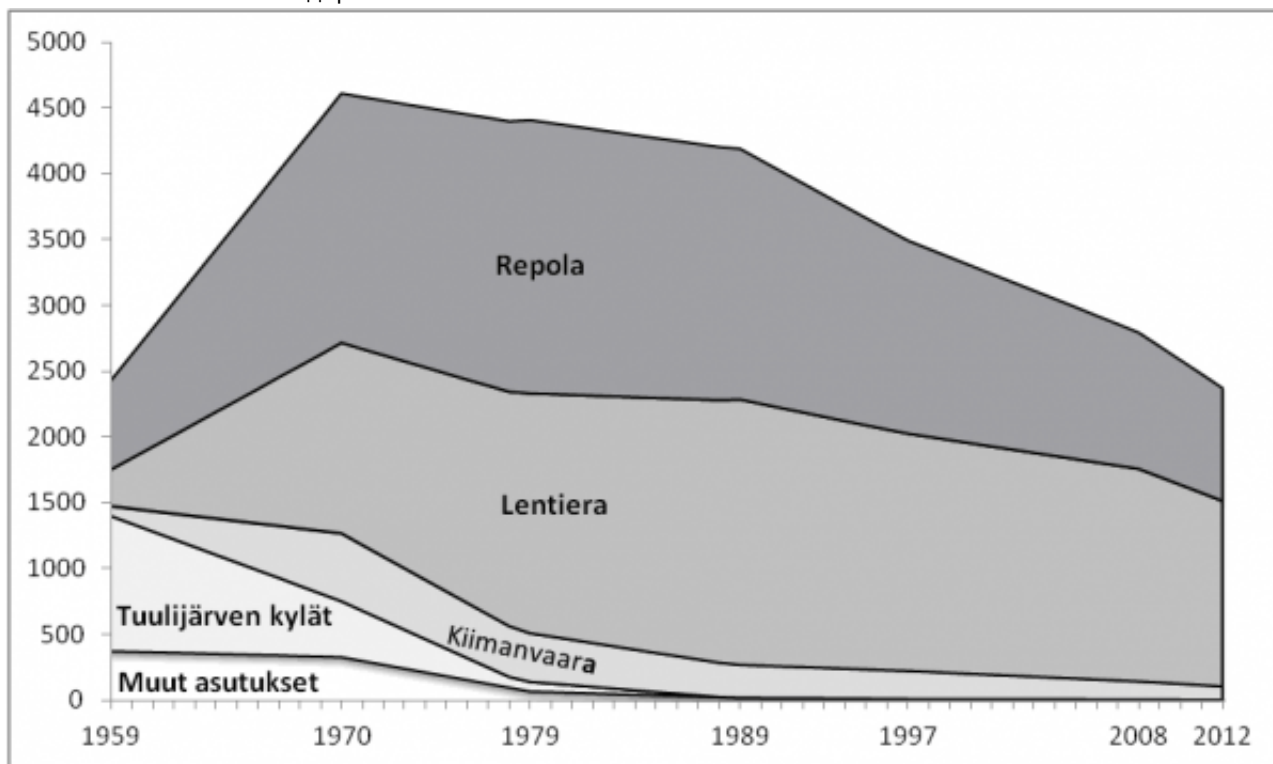

Рис. 3. Динамика численности населения изучаемых деревень в 1959—2012 гг. (Источники: данные переписи населения в 1959, 1970 и 1979 гг., хранящиеся в НА РК, 1989 и 1997 гг. [7] и сведения сельских поселений Лендеры и Реболы за 2008 и 2012 гг.)

Западно-Карельская железная дорога, строительство которой завершилось в 1960-е гг., изменила положение дел на изучаемой территории, дав возможность вывозить древесину в восточном направлении для переработки на предприятиях СССР. Одновременно центр тяжести лесозаготовок переместился из приграничных территорий на восток, ближе к железной дороге (рис. 1). Коренным образом изменилась схема транспортировки заготовленной древесины, и логистическими центрами стали нижние склады, построенные у железной дороги. Реболы и Лендеры перешли к советской системе, в которой лесовозные автомобили доставляли заготовленные лесорубами хлысты из леса на нижние склады, где они разделялись на сортименты и сортировались, после чего грузились в вагоны для отправки на перерабатывающие предприятия [11; 156—159]. Сотни людей постоянно работали на нижних складах, и, как правило, вокруг них возникали населенные пункты.

После завершения лесосплава, означавшего резкое сокращение объемов лесоторговли с Финляндией, значение восточного маршрута транспортировки леса еще более возросло. Прекращение лесосплава означало также почти полное закрытие границы и доставку заготовленной древесины по железной дороге для переработки на предприятия Советской Карелии. В результате находившиеся рядом с границей поселки утратили свой особый статус. Это новое положение стало роковым прежде всего для расположенного далеко от железной дороги п. Реболы. Ребольский леспромхоз был ликвидирован в 1986 г., став лесопунктом нового Муезерского леспромхоза. Численность населения п. Муезерский, который в 1966 г. стал районным центром, находившегося на железной дороге, быстро превысила 4 тыс. человек (рис. 1). В сравнении с Реболами Лендеры находились в более выгодном положении, так как в 1960-х гг. была построена железнодорожная ветка, связавшая этот поселок с Западно-Карельской железной дорогой.

Постепенно власти стали обращать внимание на последствия продолжавшихся десятилетия после Второй мировой войны масштабных вырубок леса. Объемы лесозаготовок до этого определялись не в соответствии с производительностью лесов, а на основе оценок центральных органов потребности в древесине, что приводило к перерубу расчетной лесосеки. Объемы вырубки леса в Советской Карелии в конце 1960-х гг. на десятки процентов превышали естественный годовой прирост леса [9]. Во избежание переруба государство значительно сократило плановые задания леспромхозов. В рекордные

для Лендерского леспромхоза 1970-е гг. он заготавливал 280 тыс. м³ древесины, тогда как в 1990-е гг. — лишь 150 тыс. м³¹.

Рыночная экономика и «скандинавизация» лесного хозяйства

После распада СССР Россия перешла от плановой экономики к рыночной. Непосредственное применение западных учений о рыночной экономике, впрочем, не удалось, и результатом стало появление особой российской рыночной экономики, сохраняющей многие характерные черты, унаследованные от плановой экономики. В лесном секторе, например, составной частью этого «коктейля» являлся переход лесозаготовительных предприятий от государства к новым собственникам при сохранении подходов и технологий советского времени. Кроме прочего, и леса остались в собственности государства.

После распада СССР в политике вначале господствовал подход, основанный на клятве верности свободной рыночной экономике. Как было сказано выше, в начале президентства Б. Ельцина экономические реформы проводились в соответствии с принципами учения, известного под названием «шоковая терапия». Целью была внезапная и радикальная либерализация — экономический шок, в ходе которого, в частности, власти стремились в быстром темпе приватизировать средства производства, отпустить цены, разрешить свободную внешнюю торговлю и сделать рубль конвертируемой валютой [2]. Принимая во внимание структурные изменения в производстве, ельцинские реформы, в ходе которых внимание акцентировалось на свободной рыночной экономике, можно разделить на разрушительный и восстановительный периоды [10].

Шоковая терапия быстро распространилась по всей России, и в карельских лесах в первой половине 1990-х гг. экономика и люди также пережили разрушительный период. Государственные промышленные комплексы в течение нескольких лет были разделены на небольшие местные предприятия, собственниками которых в основном первоначально стали их работники [6]. В последние годы существования СССР предприятия лесного сектора КАССР входили в состав гигантского лесопромышленного объединения «Кареллеспром» [9; 95—96]. В результате приватизации это объединение распалось на множество самостоятельных заводов и лесозаготовительных предприятий. В ходе этого процесса Лендерский и Муезерский леспромхозы превратились в акционерные предприятия, держателями акций которых стали в основном их работники. Эти предприятия изменились настолько, что их названия после реорганизации нецелесообразно переводить как «центры лесного хозяйства» (финский перевод ЛПХ. — Ю. К.), а следует называть лесозаготовительными предприятиями (фин. *puunkorjuusyrityksiä*).

Лесная промышленность Карелии в 1990-е гг. частично интегрировалась в международную рыночную экономику [9; 95—96]. Продукция советской промышленности почти целиком шла на внутренний рынок и в другие социалистические страны, спрос со стороны которых обрушился в начале 1990-х гг. После этого промышленная продукция во все возрастающих объемах стала экспортироваться в страны Западной Европы. Эффект от этих новых торговых связей выразился в дифференцированном развитии населенных пунктов и территорий [6, 13]. Успех работавших на экспорт предприятий отражался в лесопромышленных поселках в виде повышения зарплат и общего уровня жизни. Разрушительный период реформ «проредил» российское лесное хозяйство, так как большое количество приватизированных заводов и лесозаготовительных компаний были нерентабельными и обанкротились.

Восстановительный период в лесном секторе, или его реорганизация, начался в середине 1990-х гг. с ориентации на развитие экспорта лесоматериалов. Либеральная экономическая политика, либерализация внешней торговли и экспорт производимой из природных ресурсов продукции обеспечили приток валюты в страну. Успех заводов, ориентированных на экспорт своей продукции, был соблазнительным, и собственность предприятий этой отрасли стала концентрироваться посредством их скупки в руках крупных российских или зарубежных компаний. На развитие лесного сектора Карелии решающим образом повлиял экспорт леса кругляка, одним из самых значимых покупателей которого стала Финляндия. Объемы поставлявшейся из СССР в Финляндию древесины были относительно невелики, составляя в 1970—1980-х гг. от 3 до 4 млн м³ [21; 9]. Во время разрушительного периода, в начале 1990-х гг., российская лесная промышленность находилась в состоянии хаоса в связи с обрушением спроса на ее продукцию и перекрытием государственных «денежных кранов» [6]. Проблемы финансирования перерабатывающих предприятий сильно затрудняли функционирование рынка древесины. Экспортные поставки древесины стали средством спасения для многих лесозаготовительных предприятий, поскольку вследствие либерализации внешней торговли поставлять эту продукцию за рубеж стало проще. Крупные финские лесопромышленные компании также заметили изменившуюся ситуацию, начав увеличивать свое производство, используя импортные поставки

древесины. Вследствие этого объемы древесины, экспортировавшейся в Финляндию из Карелии и других регионов северо-западной части России, в первой половине 1990-х гг. начали быстро расти (см. рис. 4).

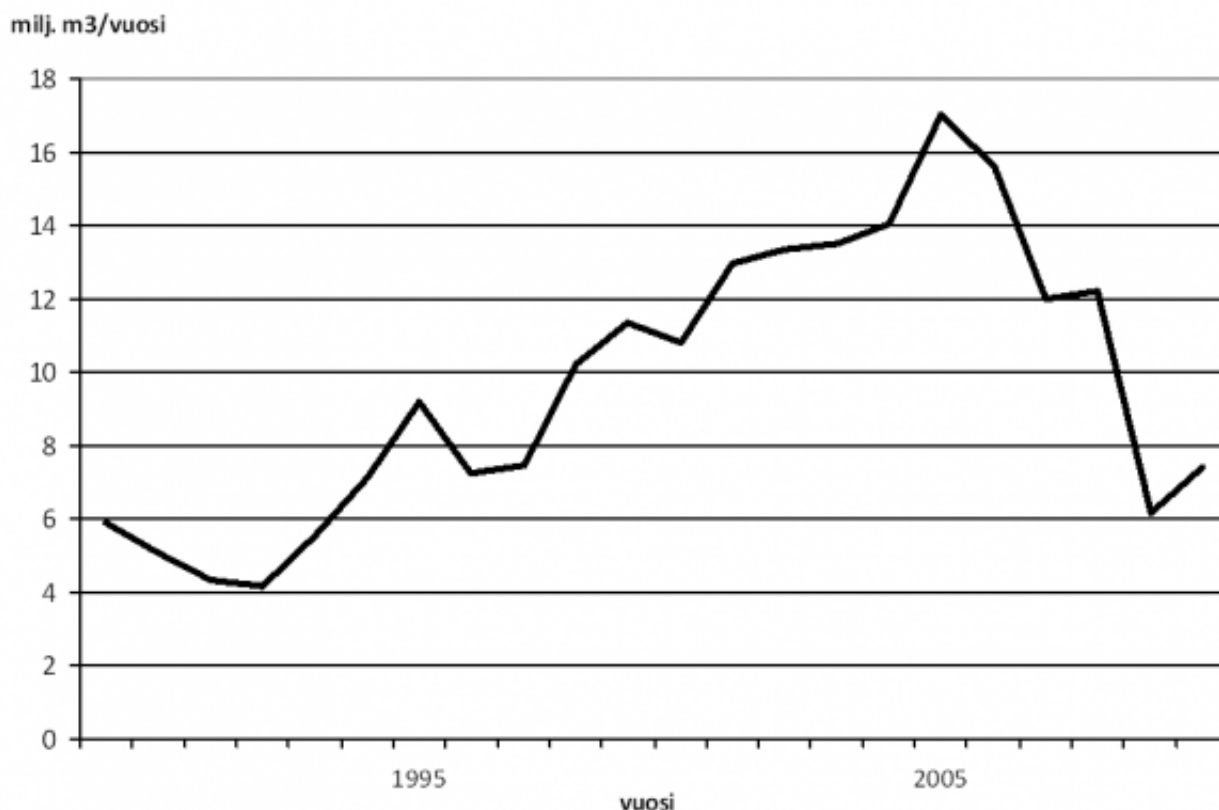

Рис. 4. Объемы древесины, экспортированной из России в Финляндию (млн м³/год) в 1989—2010 гг. [8]

В начале 1990-х гг. в развитии лесоторговли в изучаемом нами районе тоже начался новый этап. Поставки лесоматериалов из Лендер заводам в Кондопоге, Питкяранте и Сегеже продолжались и после завершения приватизации. Вызванные шоковой терапией проблемы появились и у этих потребителей, которые стали испытывать трудности с финансированием. Лендеры были спасены возрождением экспорта необработанных лесоматериалов в Финляндию, возобновившегося после многолетнего перерыва.

После изменения режима пересечения госграницы и реорганизации местного лесного хозяйства в 1995 г. финская компания Varo Timber Oy начала покупать лес кругляк у Лендерского леспромхоза, доставляя его в Финляндию лесовозными автомобилями через пункт упрощенного пропуска в Инари [Валовиести. 2008]. Пункт пересечения границы находится примерно в 20 км от п. Лендеры (см. рис. 1). Лесоматериалы поставлялись в основном на находившиеся недалеко от границы лесопилки компании Varo Timber Oy в Лиексе и Нурмесе, балансовая древесина — на ближайший целлюлозный завод компании Stora Enso в п. Уймахарью.

Вторым следствием изменения режима пересечения госграницы стало постепенное проникновение в Россию скандинавских технологий лесозаготовок. В советский период государственная граница в отношении приемов, применяемых в лесозаготовках, была закрыта, и эти технологии по обе стороны границы развивались в противоположных направлениях. В связи с закупками древесины компания Varo Timber Oy начала в сотрудничестве с Лендерским леспромхозом внедрять новые приемы лесозаготовки. От хлыстовой трелевки и вывозки заготовленной древесины на нижние склады, унаследованные от советской эпохи, отказались, перейдя к использованию привезенных из Финляндии многооперационных лесосечных машин, которые валят деревья, обрезают сучья, производят раскряжевку и обмер полученных сортиментов. Поначалу рубки проводили финские специалисты на своих машинах, однако со временем леспромхоз приобрел собственные харвестеры, и эту работу стали выполнять местные жители. Помимо лесозаготовительных машин, через границу проникали и знания,

поскольку компания Varo Timber Oy и финские образовательные организации обучали лендерских лесорубов новым приемам работы, а водителей лесовозных автомобилей — использованию новых технологий.

Лендеры все же не перешли полностью к машинной рубке леса. Еще и в 2008 г. половину всей заготовленной древесины валили с использованием бензопил, а вторую половину — двумя закупленными леспромхозом харвестерами. Несмотря на сокращение потребности в рабочей силе вследствие применения новых технологий, на этом лесозаготовительном предприятии в 2008 г. было занято 260 человек, включая операторов харвестеров, водителей лесовозных автомобилей и другие категории работников [Ваповиести. 2008]. После приватизации предприятие несло определенную ответственность за занятость жителей поселка. В советское время предприятия лесного сектора обеспечивали услугами населенные пункты, поддерживая в дееспособном состоянии инфраструктуру, обслуживавшую рабочих и их семьи как в заводских поселках, так и в лесозаготовительных районах [6]. В процессе приватизации решение этих задач было возложено на муниципальные власти, у которых, как правило, не было средств на содержание сферы услуг и инфраструктуры. По этой причине многие производственные предприятия продолжали оказывать населению некоторые виды услуг.

Восстановление экспорта древесины и последовавший за этим восстановительный период упрочили положение в Лендерах, поскольку расположение поселка на шоссейной дороге, по которой лес вывозился в Финляндию, обеспечивало жителям рабочие места и благосостояние. Тем не менее количество местных жителей, занятых на лесозаготовках, постоянно сокращалось. Численность персонала Лендерского леспромхоза в 1991 г. в четыре раза превышала этот показатель в 2008 г. [9]. И все же гораздо быстрее число лесных работников сокращалось в Реболах, расположенных далеко от узловых железнодорожных и шоссейных дорог. Муезерский леспромхоз по-прежнему экспортировал древесину в Финляндию, однако вывозил ее лесовозами через пункт пропуска в районе Костомукши (см. рис. 1). Лесозаготовительные участки находились далеко от Ребол, и потребность в местной рабочей силе была минимальной. Переход к рыночной экономике лишь завершил тот процесс, начало которому положило окончание лесосплава [15]. За 20 лет население поселка уменьшилось вдвое, а сфера услуг и социальная система почти полностью разрушены. Подсобное хозяйство и пекарня, обеспечивающие продовольствием жителей поселка, закрыты, как, впрочем, и больница, и другие учреждения, важные в повседневной жизни человека. Жизнь в поселке еще больше замерла после ликвидации в 1999 г. Ребольского пограничного отряда, предоставлявшего рабочие места для местных жителей.

Государственный капитализм и ужесточение управления природными ресурсами

После распада СССР государство продолжало играть центральную роль в управлении лесными ресурсами России. Оно по-прежнему является собственником всех лесов федерации, и Министерство природных ресурсов и экологии стремится регулировать лесопользование. Лесозаготовительные предприятия могут взять лесные участки в аренду на 50 лет, приобретая права на вырубку леса. Система управления лесами по своей структуре в значительной степени является советской. В настоящее время в Российской Федерации за лесопользование и охрану лесов отвечает Министерство природных ресурсов и экологии, а за лесное хозяйство и промышленность — Федеральное агентство лесного хозяйства (Рослесхоз) и Министерство промышленности и энергетики (с 12.05.2008 г. — Министерство промышленности и торговли РФ. — Ю. К.). Способы управления лесами и их эксплуатации за последние 20 лет много раз менялись.

Переход к правлению В. Путина в 2000 г. означал очередные изменения в управлении лесными и другими природными ресурсами. В правление Б. Ельцина для государственного управления экономикой было характерно использование согласительной политики, предусматривавшей гармонизацию различных интересов в ходе переговорного процесса. После прихода к власти Путина был совершен переход к более централизованной, авторитарной и иерархичной системе, суть которой отражена в концепции государственного капитализма [16]. Более жесткие подходы к управлению природными ресурсами являются одними из основных признаков государственного контроля. Путин стал акцентировать внимание на том, что такие природные ресурсы, как нефть, газ и лес, следует использовать на благо всего российского общества⁴. Применяя предложенную Никула, Гранбергом и Аланен [10] периодизацию сельского хозяйства к развитию лесного сектора в первое десятилетие XXI в., этот этап можно назвать конструктивным. В это время государство стремилось создать условия для роста производственных отраслей экономики и их модернизации. Целью государства было создание необходимых предпосылок для создания лесных концернов и привлечения иностранных инвесторов в Россию.

Поскольку лесоперерабатывающая промышленность Карелии находилась в кризисном состоянии,

поток древесины во все возрастающих объемах направлялся на финские заводы. Начиная с 2005 г. центральное руководство России стало критичнее относиться к экспорту необработанных лесоматериалов, от которого, как считалось, в основном выигрывала зарубежная промышленность. Власти начали настойчивее требовать инвестиций и перевода производственных мощностей в Россию вместо использования страны лишь как источника сырья. Зарубежные компании, тем не менее, не стали строить в России большие новые заводы по переработке древесины, хотя несколько крупных предприятий отрасли были приобретены иностранными собственниками. Финские компании построили в Карелии несколько лесопилок, но от крупных капиталовложений воздержались по причине неблагоприятного инвестиционного климата.

Отношение руководителей государства к экспорту древесины становилось со временем все более негативным. В 2006 г. президент Путин выступил с жесткой речью, в которой охарактеризовал экспорт необработанной древесины как грабеж природных ресурсов России, обогащающий зарубежные страны. В качестве средства достижения цели, уменьшения сырьевого экспорта, российское государство избрало таможенную политику, которая в последние годы решающим образом изменила положение карельских лесов в международном контексте. Экспортные пошлины на необработанную древесину стали быстро повышаться. Целью ужесточившейся таможенной политики была модернизация лесоперерабатывающих производств на основе зарубежных технологий, увеличение промышленной кооперации российских и зарубежных компаний, перенос производства международных компаний в Россию и защита внутреннего рынка [3; 5–10].

Одновременно для лесной промышленности был подготовлен проект стратегического развития до 2020 г., целью которого является модернизация устаревшей производственной системы под контролем государства. Документ предусматривает, кроме прочего, более активную работу по привлечению инвестиций, формирование условий для создания вертикально интегрированных комплексов и увеличение внутреннего рынка потребления лесоматериалов. В качестве дополнительной цели стратегия предусматривает совершенствование законодательства, налогообложения и создание финансовых условий, благоприятных для ведения лесного бизнеса ³.

Новая таможенная политика проводилась методами шоковой терапии и реализовывалась быстрыми темпами. В 2006 г. величина экспортной пошлины за вывоз 1 м³ необработанной древесины составляла примерно 2,5 евро. Российское государство решило постепенно повышать экспортные пошлины таким образом, чтобы в 2009 г. пошлины на основные виды лесоматериалов составляли до 50 евро за 1 м³. На практике повышение пошлин было не столь значительным, и в 2009 г. за хвойную древесину и березовый баланс диаметром свыше 15 см уплачивалась пошлина в размере 25 % стоимости, или как минимум 15 €/ м³. Березовый баланс диаметром меньше 15 см экспортировался беспошлинно, но его сортировка вызывала большие дополнительные расходы ⁴.

Целью этой таможенной политики было сделать нерентабельным экспорт тех видов лесоматериалов, которые могли перерабатываться в России. Власти также считали, что шоковая терапия заставит международные лесопромышленные компании перенести производство в Россию. Более жесткий подход и ограничения, введенные государством, быстро привели к сокращению объемов экспортной лесоторговли страны [22; 8], [3; 7]. Падение внешнеторговых показателей имело место в конце 2008 г., когда на лесоторговлю дополнительно негативно повлиял общемировой экономический спад. Тогда же значительно сократился лесной экспорт в Финляндию, однако эта политика не привела к достижению цели — увеличению инвестиций.

Сокращение объемов лесоторговли в скором времени воздействовало на ситуацию по обе стороны границы. Зависимость от экспорта и импорта древесины начала быстро проявляться, что привело к негативным последствиям на лесопромышленных территориях как в восточной части Финляндии, так и в России. Промышленные предприятия на востоке Финляндии были вынуждены сократить производство и изменить номенклатуру производимой продукции. Объем рубок леса и лесных работ в Карелии уменьшился [14, 3]. Через пункт пропуска в Инари в 2002–2006 гг. в Финляндию ежегодно ввозили до 250 тыс. м³ лесоматериалов. Эти показатели резко пошли вниз, и в 2009 г. по этому маршруту было вывезено лишь 65 тыс. м³ ⁵.

Представляется, что экспортные пошлины роковым образом сказались на судьбе Лендерского леспромхоза и п. Лендеры, которые полностью зависели от потока пересекающей границу древесины. Поскольку весь заготовленный здесь лес поставлялся в Финляндию на лесовозах, железнодорожная ветка в течение многих лет не поддерживалась в порядке, и ее нельзя было использовать для перевозки лесоматериалов. Шоссейные дороги, находившиеся в плохом состоянии, не позволяли вывозить заготовленную древесину в восточном направлении. Выгодное для ведения лесоторговли

центральное положение Лендер становилось периферическим.

Изменения в судьбе лесопромышленных поселков, вызванные стратегией развития лесной промышленности России, хорошо иллюстрирует смена собственника Лендерского леспромхоза. В 2007—2008 гг. собственником Лендерского и Муезерского леспромхозов стало ЗАО «Инвестлеспром», один из крупнейших лесопромышленных холдингов России, основанный в 2006 г. Смена собственника означала поворот на 180 градусов в направлении транспортировки лесоматериалов, поскольку ориентированное на экспорт и получавшее от этого прибыль предприятие (Лендерский ЛПХ) вдруг стало одним из поставщиков Сегежского ЦБК. Западное направление сменилось на восточный маршрут.

ЗАО «Инвестлеспром» — один из крупнейших российских лесопромышленных холдингов со 100%-м российским капиталом. В его состав входят 60 предприятий, действующих в России и Европе, включая лесозаготовительные, а также деревообрабатывающие и целлюлозно-бумажные заводы⁶. Уже в год основания холдинга в его состав вошел Сегежский ЦБК. Холдинг приобрел большое количество лесозаготовительных предприятий не только на изучаемой нами территории, но и в других местах для снабжения этого комбината древесиной⁷. Появившиеся после распада СССР мелкая собственность и бизнес в лесном секторе просуществовали не очень долго. Посредством холдингов лесозаготовительные и деревообрабатывающие предприятия были объединены в лесопромышленные концерны [6]. В соответствии с описанной выше государственной стратегией главной целью созидательного этапа в первое десятилетие XXI в. стало формирование и усиление вертикально интегрированных производственных комплексов.

ЗАО «Инвестлеспром» действовал в соответствии с этой стратегией, поставив целью осуществить широкую программу модернизации своих производственных предприятий. Своеобразным флагманским проектом холдинга является проект «Белый медведь» по расширению Сегежского ЦБК, который должен довести годовой объем перерабатываемой комбинатом древесины до 2,5 млн м³ [3; 11]. Для реализации этого проекта холдинг стремится увеличить поставки древесины и модернизировать свои лесозаготовительные предприятия. Целью проекта является полный переход на скандинавскую технологию: валка деревьев, обрезка сучьев и раскряжевка харвестерами на делянке, транспортировка до погрузочных площадок форвардерами и доставка древесины прямо из леса автомобилями-лесовозами на Сегежский ЦБК⁸. Механизация заметно сократила потребность в рабочей силе, и большое количество рабочих стали безработными.

В настоящее время «Инвестлеспром» реализует завершающий этап «скандинавизации» лесозаготовок. В Финляндии лесопромышленные компании полностью отказались от собственной лесозаготовки, передав эти функции частным лесозаготовителям. «Инвестлеспром» также полностью передает лесозаготовку частным подрядчикам. В 2011 г. холдинг вывез из района п. Лендеры и п. Муезерский все свои лесные машины и уволил работников, занятых на лесозаготовках. В марте 2012 г. в Лендерском леспромхозе работали лишь 6 человек. Рубку леса здесь проводил прибывший из другого места подрядчик, который смог своим лесозаготовительным звеном (харвестер и форвардер) заготовить лишь треть от предыдущих объемов.

Экономический кризис последних лет осложнил работу Сегежского ЦБК, однако наиболее серьезные проблемы появились в начале 2012 г., когда предприятие прекратило выпуск продукции из-за финансовых затруднений⁹, причиной которых стали подозрения в мошенничестве в отношении руководства банка, финансировавшего холдинг. Комбинат впоследствии вновь стал выпускать продукцию, но из-за финансовых проблем крупномасштабные проекты по расширению производства были заморожены. Летом 2012 г., когда писалась эта статья, перспективы проекта «Белый медведь» были неясными.

Ужесточение государственной политики в отношении лесного сектора не достигло желаемого результата. Угроза со стороны экспортных пошлин на древесину привела к тому, что финские компании прекратили деятельность своих закупочных организаций в России и заморозили инвестиционные проекты. Повышение пошлин, проведенное в стиле шоковой терапии, принесло обеим сторонам больше вреда, чем пользы. Россия вынуждена была постепенно отказываться от осуществления наиболее радикальных планов повышения пошлин на лесопродукцию. В конце 2011 г. Всемирная торговая организация (ВТО) решила принять Россию в свои члены после продолжавшихся 18 лет переговоров. Членство в ВТО не обнуляет экспортные пошлины на древесину, но обязывает существенно снижать их. Пошлины на древесину лиственных пород деревьев снизятся на четверть и на хвойную древесину — примерно на половину от нынешнего уровня¹⁰.

В настоящее время в Лендерах лелеют мечту о возрождении трансграничной лесоторговли и возвращении рабочих мест. Местные жители, впрочем, не верят, что лесозаготовки в этом районе могут

успешно проводиться посторонними подрядчиками. В марте 1912 г. в лесу работала лишь одна лесозаготовительная машина, которая никоим образом не может обеспечить необходимые объемы рубок. Подрядчиков и водителей автомобилей-лесовозов нелегко нанять для работы в отдаленной приграничной местности с тяжелыми условиями труда. Лицензия на вырубку леса, выданная Лендерскому ЛПХ, действует до 2028 г. В Лендерах надеются на появление нового собственника леспромхоза, который возобновит лесозаготовки. Эта надежда основывается на уменьшении экспортных пошлин после вступления России в ВТО и проблемах, которые испытывает Сегежский ЦБК. Эти обстоятельства, как считают местные жители, могут привести к возобновлению экспортных поставок в Финляндию.

Выводы

Лесное хозяйство, второй основной источник средств существования сельской местности в России, как и сельское хозяйство, после завершения советского периода прошло через этапы разрушения, восстановления и созидания. На этапе разрушения лесной комплекс сначала неконтролируемо распался на частные компании, что вызвало экономический кризис в лесозаготовительных районах. В середине 1990-х гг. начался восстановительный этап, когда ориентированные на экспорт предприятия добились успеха, реорганизовав лесной сектор и отношения собственности. В правление В. Путина начался созидательный этап, в ходе которого власти стремились, используя государственное регулирование и таможенную политику, целенаправленно модернизировать и развивать лесную промышленность.

Представляется, что в российской Карелии лесное хозяйство отказалось от советских организационных форм быстрее, чем сельское хозяйство, где в основном сохранилось крупное производство. После прекращения лесосплава система лесозаготовок в СССР с характерными для нее нижними складами развивалась в сравнении со странами Западной Европы в противоположном направлении. В постсоциалистический период различия, за исключением собственности на леса, практически исчезли. В лесозаготовках в Карелии стали использоваться такие же технологии и организация рубок с опорой на частных подрядчиков, как и по другую сторону границы, в Финляндии. В настоящее время переходный период в лесопромышленных поселках больше всего заметен по высокой безработице и неуверенности в будущем. Чувство неуверенности стало лишь сильнее в связи с мероприятиями центральной власти, носившими характер шоковой терапии, посредством которых она пыталась жесткими методами модернизировать лесной сектор России.

После крушения социализма использованию одинаковых технологий и форм организации работы способствовала увеличивавшаяся проницаемость госграницы. Во времена процветания СССР граница между государствами была границей недоверия и страха, она жестко охранялась и контролировалась. На изучаемой нами территории через нее не проникало ничего, кроме древесины. В 1990-х гг. технологии и другие организационные формы стали все легче проникать через границу. Хотя трансграничное общение людей в постсоциалистический период стало более интенсивным, они все же не могли пересекать границу так же легко, как древесина и другие материалы. Фактором, ограничивавшим развитие изучаемой нами территории, являлся статус пункта упрощенного пропуска, не позволявший пересекать границу путешественникам.

Терминология, в которой используются понятия «разрушение» и «шоковая терапия», исключительно хорошо подходит для приграничной местности, веками разделенной государственной границей, которая часто становилась театром военных действий. Череда внезапных изменений здесь была продолжительной и драматичной. 70 лет тому назад последняя война уничтожила в приграничье почти все жилые дома и общественные здания. Послевоенные десятилетия, на которые пришелся расцвет лесного хозяйства советского типа, также оказались для поселков и деревень и их жителей своеобразной серией мероприятий «шоковой терапии». За несколько лет в 1950-е гг. здесь было построено с десятков лесопунктов для проведения лесозаготовок и вывозки древесины. Рабочую силу перебрасывали с одного места в другое в ритме, заданном освоением новых лесных участков таким образом, что часть лесопунктов быстро была заброшена. Когда от сплава древесины перешли к автомобильной вывозке, на этой территории постоянное население оставалось лишь в трех поселках. После перехода к рыночной экономике и скандинавской системе лесозаготовок спрос на рабочую силу сохранялся только в Лендерах, а скорость деградации других поселков лишь увеличилась. После либерализации внешней торговли и увеличения экспорта древесины Лендеры, находившиеся совсем рядом с госграницей, стали играть центральную роль в лесоэкспорте. В последние годы положению Лендер как узлового пункта в торговле лесоматериалами угрожают попытки российских властей ограничить экспорт необработанной древесины.

Трансграничная лесоторговля обеспечила приграничным поселкам благосостояние и повышение жизненного уровня, одновременно создав зависимость, увеличивавшую их уязвимость. Внезапные изменения государственной политики, технологий и пограничного режима повлияли на судьбу лесопромышленных поселений. Место лесопромышленного поселка, экономика которого зависела от лесозаготовок, в территориальном разделении труда могло быстро измениться по мере технологических или политических изменений, в результате чего труд местных жителей на лесных работах больше не был востребован. Переход к рыночной экономике и снятие с предприятий обязательств по содержанию сферы услуг добавили драматизма изменениям. Частные предприятия повсюду, включая Карелию, уже не удовлетворяют социальные потребности населенных пунктов и их жителей. В приграничных поселках население в большей степени, чем прежде, оставлено на произвол судьбы.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Интервью А. Ретукова, заместителя директора ОАО «Лендерский леспромхоз», 09.03.2012.

[2] Putin V. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2007 [Electronic resource]. URL: www.kremlin.ru (31.05.2012).

[3] Venäjän teollisuus-ja energiaministeriö. 2008. Venäjän federaation matsealan kehityksen strategiasuunnitelma vuoteen 2020. Luonnos [Electronic resource]. URL: http://www.idanmetsatieto.info/fi/document.cfm?doc=show&doc_id=1159 (30.5.2012).

[4] Metsäteollisuus (2011b). Venäjä jäädyttää puutullit nykytasolle WTO-jäsenyyteensä asti. Metsäteollisuuden tietopalvelu 3.1.2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.metsateollisuus.fi/juurinyt2/tiedotteet/Sivut/Venajajaadyttaapuutullit.aspx> (31.5.2012).

[5] Статистические данные пограничного отряда «Северная Карелия».

[6] Investlesprom [Electronic resource]. URL: <http://www.investlesprom.ru/news/content/view/3/4/lang.en/> (05.06.2012).

[7] Metla. 2007. Investlesprom investoi Karjalaan yli 20 miljardia ruplaa [Electronic resource]. URL: <http://www.idanmetsatiet.info/fi/infokortit/Tuontipuu/Sivut/default.aspx> (31.05.2011).

[8] Интервью начальника производственного отдела ОАО «Муезерский ЛПХ», 27.11.2008.

[9] Сегежский ЦБК вновь заработал // Карьялан Саномат. 2012. 15 февр.

[10] Metsäteollisuus (2011b). Venäjä jäädyttää puutullit nykytasolle WTO-jäsenyyteensä asti. Metsäteollisuuden tietopalvelu 3.1.2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.metsateollisuus.fi/juurinyt2/tiedotteet/Sivut/Venajajaadyttaapuutullit.aspx> (31.05.2012).

ИСТОЧНИКИ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Администрации сельских поселений Лендеры и Реболы. Сведения о численности населения за 2008 и 2012 гг. по данным учета сельских поселений.

2. Национальный архив Республики Карелия (г. Петрозаводск). Перечни населенных пунктов КАССР за 1959, 1970 и 1979 гг.

3. Пограничный отряд «Северная Карелия». Пограничный участок Лиекса. Статистические данные пункта упрощенного пропуска Инари (Inarin RM 618) за 1956—2010 гг.

ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ

1. Сегежский ЦБК вновь заработал // Карьялан Саномат. 2012. 15 февр.

2. Древесина в Финляндию — благосостояние в Лендеры // *Ваповиести*. 2008. № 1.

ИНТЕРВЬЮ

(интервьюер Пертти Ранникко)

1. Хилтунен Айро (р. 1945), бывший управляющий «Varo Timber Oy», 07.02.2012.
2. Илонен Альберт (р. 1932), бывший главный бухгалтер Ребольского ЛПХ, 13.07.2008 и 16.7.2011.
3. Исаева Галина (р. 1946), начальник отдела маркетинга ОАО «Лендерский леспромхоз», 25.11.2008.
4. Килин Юрий (р. 1961), профессор ПетрГУ, житель п. Реболы до 1978 г., 10—11.08.2010.
5. Лазарев Иван (р. 1928), бывший водитель грузового автомобиля Ребольского ЛПХ, 12.07.2008, 26.11.2008 и 17.07.2011.
6. Нестерова Татьяна (р. 1933), бывшая работница колхоза и подсобного хозяйства Ребольского ЛПХ, 17.07.2010 и 17.07.2011.
7. Петров Михаил (р.1953), бывший милиционер п. Лендеры, 08.03.2012.
8. Петров Василий (р. 1960), бывший водитель грузового автомобиля Лендерского ЛПХ, 08.03.2012.
9. Ретуков Анатолий (р. 1949), заместитель директора ОАО «Лендерский леспромхоз», 25.11.2008 и 7—09.03.2012.
10. Начальник производственного отдела ОАО «Муезерский ЛПХ», 27.11.2008.
11. Стафеев Николай (р. 1957), бывший работник Лендерского ЛПХ, 08.03.2012.
12. Стафеева Валеентина (р. 1953), бывшая работница Лендерского ЛПХ, 08.03.2012.
13. Тарасевич Игорь (р. 1967), бывший лесоруб Лендерского ЛПХ, 08.03.2012.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

1. Investlesprom [Electronic resource]. URL: <http://www.investlesprom.ru/news/content/view/3/4/lang.en/> (05.06.2012).
2. Metla. 2007. Investlesprom investoi Karjalaan yli 20 miljardia ruplaa [Electronic resource]. URL: <http://www.idanmetsatiet.info/fi/infokortit/Tuontipuu/Sivut/default.aspx> (31.05.2011).
3. Metsäteollisuus (2011b). Venäjä jäädyttää puutullit nykytasolle WTO-jäsenyyteensä asti. Metsäteollisuuden tietopalvelu 3.1.2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.metsateollisuus.fi/juurinyt2/tiedotteet/Sivut/Venajajaadyttaapuutullit.aspx> (31.05.2012).
4. Putin V. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2007 [Electronic resource]. URL: www.kremlin.ru (31.05.2012).
5. Venäjän teollisuus-ja energiaministeriö. 2008. Venäjän federaation matsealan kehityksen strategiasuunnitelma vuoteen 2020. Luonnos [Electronic resource]. URL: http://www.idanmetsatieto.info/fi/document.cfm?doc=show&doc_id=1159 (30.05.2012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alanen I. Shokkiterapian sosiologista arvostelua // *Maaseutuaiheita — Rural mitifs. Essays in honour of professor Leo Granberg. J. Nikula (toim.). Aleksanteri Series. Helsinki, Aleksanteri Institute*. 2009. № 5. S. 218—232.
2. Desai P. Russian Retrospectives on Reforms from Yeltsin to Putin // *Journal of Economic Perspectives*. 2005. № 19:1. P. 87—106.
3. Jutila L., Karvinen S., Leinonen T. & Väliky E. Venäjän tullipolitiikan vaikutuksista Suomen ja Venäjän väliseen metsäsektorin kauppaan // *Metlan työraportteja* № 155. Vantaa, 2010.
4. Klementjev J. Autioituneiden kylien ikävä tarina // *Punalippu*. 1990. № 2. S. 88—93.
5. Klementjev J. I., Kozhanov A. A. *Selskaya sreda i naseleniye Karelii 1945—1960 gg.* Leningrad: Nauka, 1988.
6. Kortelainen J., Kotilainen J. Ownership Changes and Transformation of the Russian Pulp and Paper Industry // *Eurasian Geography and Economics*. 2003. № 44:5. S. 384—402.
7. Laine A. Repola mylleryksessä // *Aunuksen Repola. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu*, 2001. S. 268—286.
8. *Metsätilastollinen vuosikirja*. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2011.
9. Myllynen A.-L., Saatamoinen O. *Karjalan tasavallan metsätalous*. Joensuun yliopisto. Metsätieteellinen

tiedekunta. Silva Carelica 29. 1995.

10. Nikula J., Granberg L., Alanen I. Sovhooseista maatalousyriyiksi — Venäjän maatalouden tie? // *Katse Venäjään — suomalaisen Venäjä-tutkimuksen antologia*. J. Nikula (toim.). Aleksanteri-Sarja. Helsinki, Aleksanteri-instituutti. 2006. № 3. S. 189—217.

11. Koivuselkä — metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Oksa J. (toim.). Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja. № 121.

12. Oksanen M. Rajautot — osa Lieksan savotta- ja uittohistoriaa // *Hukan hännän mitalla. Rajaseudun historiaa Lieksasta*. Saarelainen A. (toim.). Lieksa, Lieksan kansalaisopisto, 2004. S. 309—324.

13. Piipponen M. Metsäsektorin rakennemuutos 1990-luvun Venäjällä. Helsinki, Kikimora Publications, 2007.

14. Pirhonen I., Ollonqvist P., Viitanen J., Toropainen M. & Bungov V. Income and Employment Effects of Roundwood Use in Eastern Finland and the Republic of Karelia. Working Papers of the Finnish Forest Research Institute № 70. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2008.

15. Rannikko P. Vaihtelevia hyötyjä luonnosta — sosioekologisen järjestelmän muutos rajantakaissa Repolassa // *Ajan valtimolla — mukana muutoksessa*. Professori Tapio Hämysen 60-vuotisjuhlakirja. Joensuu, Pohjois-Karjalan historiallinen yhdistys. 2011. S. 98—112.

16. Rutland P. The business sector in post-Soviet Russia // *Routledge Handbook of Russian Politics and Society*. Graeme Gill & James Young (ed.). 2011. P. 288—304.

17. Saarelainen A. Lieksa idän ja lännen rajamailla // *Hukan hännän mitalla. Rajaseudun historiaa Lieksasta*. Saarelainen A. (toim.). Lieksa, Lieksan kansalaisopisto, 2004. S. 13—245.

18. Schumpeter J. A. (1942/2009). Luovan tuhon prosessi // *Tiede & Edistys*. 2009. №34:1. S. 40—45.

19. Takala I. Repola 1922—1939 // *Aunuksen Repola*. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu, 2001. S.229—251.

20. Tshernjakova I. Repolan hallinto, asutus ja elinkeinot // *Aunuksen Repola*. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu, 2001. S.28—65.

21. Varis J. Karjalan tasavallan metsäsektorin tulevaisuus — uhka vai mahdollisuus Suomen metsäteollisuudelle? Opinnäytetyö. Pohjois-Karjalan Ammattikorkeakoulu, Joensuu. 2003.

22. Viitanen J. & Karvinen S. Review on Russian Roundwood Exports into Northern Europe 1993—2008. Working Papers of the Finnish Forest Research Institute № 148. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2010.

23. Wegren S. K. Russian Agrarian Policy under Putin // *Post-Soviet Geography and Economics*. № 43:1. 2002. P. 26—40.

REFERENCES

INTERVIEW, ARCHIVAL AND PRINTED PRIMARY SOURCES

1. Administration of rural settlements Lendery and Reboly. Information about the population in 2008 and 2012. according to the accounts of the rural settlements.

2. National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk). Lists of settlements of KASSR for 1959, 1970 and 1979.

3. Border detachment "North Karelia". Lieksa border section. Statistical data of the temporary border crossing point Inari (Inari RM 618) for 1956—2010 years.

NEWSPAPER ARTICLES

1. Segezha pulp and paper mill is working again // *Karjalan Sanomat*. 2012.15 February

2. Wood to Finland — well-being to Lendery // *Vapoviesti*. 2008. № 1.

INTERVIEW

(interviewer Pertti Rannikko)

1. Hiltunen Airo (born 1945), former manager of the Vapo Timber Oy, 7.2.2012.

2. Ilonen Albert (born 1932), former chief accountant of the Rebolsky forestry enterprise, 13.7.2008 and 16.7.2011.

3. Isayeva Galina (born 1946), head of marketing department of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», 25.11.2008.

4. Kilin Yuri (born 1961), professor, resident of Reboly until 1978, 10—11.8.2010.

5. Lazarev Ivan (born 1928), former truck driver of the Rebolsky forestry enterprise, 12.7.2008,

26.11.2008 and 17.7.2011.

6. Nesterova Tatiana (born 1933), former collective farm worker and the Rebolsky forestry enterprise's farm worker, 17.7.2010 and 17.7.2011.

7. Petrov Mikhail (born 1953), former policeman of the Lendery village, 8 March 2012.

8. Petrov Vasily (born 1960), former truck driver of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», 8 March 2012.

9. Retukov Anatoly (born 1949), deputy director of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», November 25 and 7–9.3.2012.

10. Head of production department of the open joint-stock company «Muyezersky forestry enterprise», 27.11.2008.

11. Stafeev Nikolai (born 1957), former employee of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», 8 March 2012.

12. Stafeeva Valentina (born 1953), former employee of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», 8 March 2012.

13. Tarasevich Igor (born 1967), a former lumberjack of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», 8 March 2012.

INTERNET PUBLICATIONS

1. Investlesprom [Electronic resource]. URL: <http://www.investlesprom.ru/news/content/view/3/4/lang.en/> (05.06.2012).

2. Metla. 2007. Investlesprom investoi Karjalaan yli 20 miljardia ruplaa [Electronic resource]. URL: <http://www.idanmetsatiet.info/fi/infokortit/Tuontipuu/Sivut/default.aspx> (31.05.2011).

3. Metsäteollisuus (2011b). Venäjä jäädyttää puutullit nykytasolle WTO-jäsenyyteensä asti. Metsäteollisuuden tietopalvelu 3.1.2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.metsateollisuus.fi/juurinyt2/tiedotteet/Sivut/Venajajaadyttaapuutullit.aspx> (31.05.2012).

4. Putin V. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2007 [Electronic resource]. URL: www.kremlin.ru (31.05.2012).

5. Venäjän teollisuus-ja energiaministeriö. 2008. Venäjän federaation matsealan kehityksen strategiasuunnitelma vuoteen 2020. Luonnos [Electronic resource]. URL: http://www.idanmetsatieto.info/fi/document.cfm?doc=show&doc_id=1159 (30.05.2012).

SECONDARY SOURCES

1. Alanen I. Shokkiterapian sosiologista arvostelua // *Maaseutuaiheita — Rural mitifs. Essays in honour of professor Leo Granberg. J. Nikula (toim.). Aleksanteri Series.* Helsinki, Aleksanteri Institute. 2009. № 5. S. 218–232.

2. Desai P. Russian Retrospectives on Reforms from Yeltsin to Putin // *Journal of Economic Perspectives.* 2005. № 19:1. P. 87–106.

3. Jutila L., Karvinen S., Leinonen T. & Väliky E. Venäjän tullipolitiikan vaikutuksista Suomen ja Venäjän väliseen metsäsektorin kauppaan // *Metlan työraportteja* № 155. Vantaa, 2010.

4. Klementjev J. Autioituneiden kylien ikävä tarina // *Punalippu.* 1990. № 2. S. 88–93.

5. Klementjev J. I., Kozhanov A. A. Selskaya sreda i naseleniye Karelii 1945–1960 gg. Leningrad: Nauka, 1988.

6. Kortelainen J., Kotilainen J. Ownership Changes and Transformation of the Russian Pulp and Paper Industry // *Eurasian Geography and Economics.* 2003. № 44:5. S. 384–402.

7. Laine A. Repola mylleryksessä // *Aunuksen Repola. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu,* 2001. S. 268–286.

8. Metsätalastollinen vuosikirja. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2011.

9. Myllynen A.-L., Saatamoinen O. Karjalan tasavallan metsätalous. Joensuun yliopisto. Metsätieteellinen tiedekunta. Silva Carelica 29. 1995.

10. Nikula J., Granberg L., Alanen I. Sovhooseista maatalousyrityksiksi — Venäjän maatalouden tie? // *Katse Venäjään — suomalaisen Venäjä-tutkimuksen antologia. J. Nikula (toim.). Aleksanteri-Sarja.* Helsinki, Aleksanteri-instituutti. 2006. № 3. S. 189–217.

11. Koivuselkä — metsätyökyllä Venäjän Karjalassa. Oksa J. (toim.). Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja. № 121.

12. Oksanen M. Rajautot — osa Lieksan savotta- ja uittohistoriaa // Hukan hännän mitalla. Rajaseudun historiaa Lieksasta. Saarelainen A. (toim.). Lieksa, Lieksan kansalaisopisto, 2004. S. 309—324.
13. Piipponen M. Metsäsektorin rakennemuutos 1990-luvun Venäjällä. Helsinki, Kikimora Publications, 2007.
14. Pirhonen I., Ollonqvist P., Viitanen J., Toropainen M. & Bungov V. Income and Employment Effects of Roundwood Use in Eastern Finland and the Republic of Karelia. Working Papers of the Finnish Forest Research Institute № 70. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2008.
15. Rannikko P. Vaihtelevia hyötyjä luonnosta — sosioekologisen järjestelmän muutos rajantakaisessa Repolassa // Ajan valtimolla — mukana muutoksessa. Professori Tapio Hämysen 60-vuotisjuhlakirja. Joensuu, Pohjois-Karjalan historiallinen yhdistys. 2011. S. 98—112.
16. Rutland P. The business sector in post-Soviet Russia // *Routledge Handbook of Russian Politics and Society*. Graeme Gill & James Young (ed.). 2011. P. 288—304.
17. Saarelainen A. Lieksa idän ja lännen rajamailla // Hukan hännän mitalla. Rajaseudun historiaa Lieksasta. Saarelainen A. (toim.). Lieksa, Lieksan kansalaisopisto, 2004. S. 13—245.
18. Schumpeter J. A. (1942/2009). Luovan tuhon prosessi // *Tiede & Edistys*. 2009. №34:1. S. 40—45.
19. Takala I. Repola 1922—1939 // Aunuksen Repola. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu, 2001. S.229—251.
20. Tshernjakova I. Repolan hallinto, asutus ja elinkeinot // Aunuksen Repola. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu, 2001. S.28—65.
21. Varis J. Karjalan tasavallan metsäsektorin tulevaisuus — uhka vai mahdollisuus Suomen metsäteollisuudelle? Opinnäytetyö. Pohjois-Karjalan Ammattikorkeakoulu, Joensuu. 2003.
22. Viitanen J. & Karvinen S. Review on Russian Roundwood Exports into Northern Europe 1993—2008. Working Papers of the Finnish Forest Research Institute № 148. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2010.
23. Wegren S. K. Russian Agrarian Policy under Putin // *Post-Soviet Geography and Economics*. № 43:1. 2002. P. 26—40.

Shock therapy at the border of Russian Karelia — the period of post-socialism in two forestry villages

**RANNIKKO
Pertti**

*Doctor of Social Sciences,
Professor of Environmental Policy,
University of Eastern Finland
(Campus Joensuu)
Department of Geographical
and Historical Studies,
Joensuu, pertti.rannikko@uef.fi*

**KORTELAINEEN
Jarmo**

*Doctor of Social Sciences,
Professor of Geography,
University of Eastern Finland
(Campus Joensuu)
Department of Geographical
and Historical Studies,
Joensuu, jarmo.kortelainen@uef.fi*

Keywords:

Republic of Karelia
customs policy
timber trade
Finland
Russia
lumber villages
shock therapy
post-socialism
Lendery
Reboly

Summary:

The article analyzes the role of forestry in the restructuring process of rural Russia during the post-socialist period; the aim is to seek for typical features of forest use and governance in border areas. The research focuses on two villages in Muezersky district, Lendery and Reboly, development of which have been strongly dependent on the collapse of Soviet-style forestry and its reorganization according to the principles of market economy. Our analysis shows that the concept of shock therapy describes well the changes of the border forestry villages because the chain of changes has been long and dramatic. In few years during the 1950s, a dozen of forestry villages were built to serve logging and wood transport in the research area. Many of the villages were abandoned soon since workers were transferred from place to place due to the needs of logging. Only three villages remained inhabited after the land transport had replaced floating. Switch to market economy and Scandinavian logging system resulted in situation where forestry labor was needed only in Lendery and the destruction speed of other villages escalated. The location in the close vicinity of the border gave Lendery a central role in timber export which increased due to liberalization of export. During the recent years, the Russian government has restricted timber export which has threatened Lendery's position as a node of wood trade. Governmental policies, technology and abrupt changes of the border regulations have transformed the fates of forestry villages in borderlands and thrown jobs and people from place to place. The cross-border timber trade has provided the border villages with prosperity and well-being but created a dependency which has increased their vulnerability.